

Кудюкин Павел. Левые потеряли очень мощного потенциального лидера

Я не могу назвать себя человеком, который был в достаточно близких отношениях со Стасом – общались мы с ним, к сожалению, довольно эпизодически.

Но я был, видимо, одним из первых, кто познакомился со Стасом на почве совместной общественно-политической деятельности. Было это осенью 1990-го и зимой 1991 года. Тогда в Московской организации Социалдемократической партии России была такая учебно-дискуссионная структура – Социал-демократический форум, там среди прочего обсуждался проект нашей партийной программы. Там-то я и обратил впервые внимание на Стаса. Ему еще не исполнилось тогда восемнадцати и членом партии он, соответственно, не был. Был ли членом «молодежки», не помню. А вот участвовал в обсуждениях он очень активно.

Как-то раз у нас с ним возник небезынтересный спор по поводу корней и предшественников современной российской социал-демократии. Мной в проект программы была предложена фраза (потом она вошла в принятый текст): «Российские социал-демократы считают себя наследниками лучших традиций российской социал-демократии, народничества и левого либерализма». Вот упоминание народничества вызвало возражения Стаса. Он считал, что тем самым размывается европеизирующая миссия социал-демократии. Сам он в обсуждении занял ярко «западническую» позицию, позицию сторонника европейской ориентации и судьбы России. Спорил он горячо (ведь и молодость сказывалась), но обратил на себя внимание не этим, а удивительным знанием истории российского общественного движения и российской общественной мысли, не слишком, к сожалению, свойственным нашим политическим активистам – что левым, что правым (за исключением, конечно, профессиональных историков).

Он говорил, в частности: «Ну хорошо, левый либерализм – это я понимаю. Можно прямо назвать Радикально-демократическую партию...». А ведь партия эта была не «первого ряда», про нее и историки-то не все знают, кроме тех, кто занимается историей партий или 1917-м годом. А Стас – знал! И немало меня удивил этим.

Обращали на себя внимание уверенность и чувство собственного достоинства этого почти что еще подростка. Хотя впечатления подростка он совсем не производил. Он спокойно, убедительно и уважительно как к себе, так и к оппоненту, спорил со мной, человеком лет на двадцать старше, одним из лидеров и теоретиков партии. И не было в его поведении ни

заискивания, ни молодежного наскокивания на авторитеты. Выступления были очень серьезными и очень доброжелательными.

И последний раз мы со Стасом серьезно общались почти на ту же самую тему, когда летом 2008 года в «Мемориале» проходил круглый стол в связи с 55-летием манифеста «К единой социалистической партии», подписанного последними меньшевиками и эсерами. И круг замкнулся, к моей радости Стас в своем опять же глубоком и хорошо аргументированном выступлении признал заслуги и важность русского народничества в отечественной социалистической традиции. Я не преминул ему напомнить о нашем первом споре – посмеялись...

Когда в СДПР в 1991–1992 гг. началась внутренняя дифференциация, Стас стал очень заметен в левой фракции, созданной по инициативе Г.Я. Ракитской. Он ведь очевидно тяготел к «мартовской» (от Ю.О. Мартова) позиции – безусловно революционной социал-демократии, но при убеждении в самоценности демократии и политической свободы и невозможности социализма без них.

Особенно это проявилось уже в 1992 году. Год оказался для партии кризисным, хотя на первый взгляд она была на пике своих успехов. Ну еще бы – несколько народных депутатов России, при этом один из лидеров (О.Г. Румянцев) на ответственном и важном посту секретаря Конституционной комиссии, единственный за всю постсоветскую историю заместитель министра, назначенный по партийной рекомендации (ваш покорный слуга), члены партии на целом ряде постов в региональных и местных органах власти. Но одновременно партия начала утрачивать и без того не слишком внятную самоидентификацию и разделяться по отношению к проводившимся реформам. В качестве примера – как-то на московской партийной конференции мы обменялись с Галиной Яковлевной Ракитской следующими «любезностями»:

– Галина Яковлевна, я не могу определить Вашу позицию иначе, как ультралевое упрощенчество.

– А я Вашу, Павел Михайлович, только как социал-предательство...

И Стас в рядах левой фракции очень последовательно отстаивал позицию, что социал-демократия, если хочет быть таковой не на словах только, а на деле, должна ориентироваться на рабочее движение, должна занять позицию защиты демократии уже не столько от сил «коммунистического реванша», сколько от новой власти. Это тогда мало кто понимал и принимал (некоторые, похоже, не понимают и до сих пор). Стас был одним из первых.

И нам опять случалось с ним довольно жестко спорить – должна ли партия уже уходить в жесткую оппозицию к политике правительства Ельцина–Гайдара, или еще можно продолжать сотрудничество. При этом к моему участию в работе правительства наши левые (Стас в том числе) относились на удивление лояльно и моего ухода не требовали. Вопрос об отставке возник во многом по моей собственной инициативе (здесь «центр» и левые оказались единодушны), в марте 1993 года, когда в трудовой политике четко обозначился

поворот правительства к приоритетному сотрудничеству с ФНПР, когда довольно беспардонно «кинули» свободные профсоюзы при обновлении состава Российской трехсторонней комиссии, а в общей политической линии дело шло к ОПУСу (подзабытый, затененный сентябрьско-октябрьскими событиями проект ельцинского указа об «особом порядке управления страной»), когда оставаться в правительстве и продолжать считать себя социал-демократом стало просто невозможно.

Деятельность Стаса в 1993–1995 гг., санитарную дружину имени Максимилиана Волошина, «Студенческую защиту», всякие левые тусовки, где Стас любил говорить, что представляет ЛСД (левых социал-демократов), я уже наблюдал скорее со стороны.

Вообще Стас, конечно, был удивительный человек с гигантским и не до конца реализованным потенциалом. Я просто не знаю никого другого, кто общался бы со столь разными по своим позициям людьми и мог находить с ними общий язык, кто даже своей гибелью смог собрать вместе на Пречистенке людей от анархистов и троцкистов до очень правых либералов. Но конечно, его гибель – потеря прежде всего для левых. Мы потеряли очень мощного потенциального лидера.

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 01:48:27

Зверобой обновил 16 апреля 2025 01:50:49